

Генезис диалектической связи права и социальной теории. Право как модель регулирования моральных связей

А. А. Ковалев¹, В. Л. Мрочко²

¹*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

²*Институт образовательных технологий и гуманитарных наук*

kovalev-aa@ranepa.ru

Исследуются различные подходы к пониманию соотношения теоретических представлений о праве и разнообразных теорий социального. Методы исследования включают компоненты социально-философского, историко-логического, политологического, а также сравнительно-правового анализа. Исследование осуществлено на материале изданных трудов и статей отечественных и зарубежных авторов второй половины XIX — XX веков. Рассматриваются исторические корни диалектической связи теорий права и социального бытия, поскольку обращение к теоретическому наследию прошлого поможет разрешить многие проблемы современного правоприменения.

Ключевые слова: социальная теория, право, диалектическая взаимосвязь, этатизм, справедливость, аутопоэз, демократия, рационализм, общество, социальное, моральные связи.

The Genesis of the Dialectical Connection of Law and Social Theory. Law as a model for regulating moral linkages

A. A. Kovalev¹, V. L. Mrochko²

¹*North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

²*Institute of Educational Technologies and Humanities*

kovalev-aa@ranepa.ru

Various approaches to understanding the relationship between theoretical concepts of law and various social theories are studied. Research methods include components of socio-philosophical, historical-logical, political science, and comparative legal analysis. The research is based on published works and articles of domestic and foreign authors of the second half of the XIX — XX centuries. The historical roots of the dialectical connection between the theories of law and social existence are considered. Turning to the theoretical legacy of the past will help solve many problems of modern law enforcement.

Keywords: social theory, law, dialectical relationship, etatism, justice, autopoiesis, democracy, rationalism, society, social, moral linkages.

Проблема соотношения и диалектической связи социального бытия и права остается актуальной в эпоху, когда глобальным трансформациям подвергаются привычные социокультурные структуры, когда под угрозой поставлены все проверенные временем основания бытия. Многие современные проблемы были предугаданы крупными мыслителями — философами, социологами и юристами. Эти ученые, работавшие на стыке нескольких отраслей общественности, внесли значительный вклад в теорию права и государства. Поэтому обращение к их теоретическому наследию полезно для поиска нового правопонимания, необходимость которого назрела уже давно. В идеале необходимо преодолеть то положение вещей, о котором писал еще Г.Ф. Шершеневич в начале XX века: «Философы не желают сходить с неба на землю, а юристы не хотят поднять своих глаз от земли повыше» [22, с. 20]. К сожалению, данная констатация Шершеневича во многом верна и сегодня.

Сегодня социальная теория — это система знаний, раскрывающих генезис, сущность и содержание социального бытия, механизма взаимодействия и взаимоотношений между людьми. Социальное — это ежедневное непрерывное взаимодействие людей, живущих рядом и общающихся друг с другом. Это — совокупность институтов, сетей, моделей и структур коллективной жизни, возникающих в результате человеческого сосуществования. Таким образом, это коллективная жизнь человеческих групп и популяций, но также и жизнь индивидов, поскольку целое формируется из частей, хотя и не представляет собой простую сумму этих частей.

Социальное — это новое качество, возникающее на определенной ступени развития общества. Социальное — это сфера не только солидарности, идентичности и сотрудничества, но и власти, конфликта, отчуждения и изоляции. Социальное не только отражает стабильные ожидания, поступательное развитие систем, определенные обычаи, общественное доверие и уверенность в завтрашнем дне, но также дифференцирует

и непредсказуемые действия, непредвиденные изменения, насилие, разрушение и разрыв привычных связей.

Иногда социальное рассматривалось с точки зрения эволюции человеческих отношений, например, в знаменитом анализе французского социолога и этнографа Марселя Мосса о значении дарственных отношений [14]. Сущность социального также выявлена в различных типах сплоченности человеческих популяций, или связанности между членами социальных групп. Иногда социальное понималось как категория или институциональная форма, в пределах которой индивиды взаимодействуют, — например, в анализе немецкого философа и социолога Георга Зиммеля. Этот мыслитель анализировал через категориальные понятия такие явления, как «чужой», «метрополия», «мода», «конфликт», «обмен» [8].

Споры о природе и значении социального являются сегодня основополагающими в оценке значимости любой социальной теории. Данное в многочисленных дефинициях в разнообразных трудах, социальное кажется удивительно общим понятием, как объект или область исследования. Тем не менее сущность социального выражается в социальных теориях совершенно по-разному. Например, в классических социологических работах Макса Вебера оно предстает как ограниченное число различных типов социального действия, объединенных бесчисленными способами, чтобы дать начало тому, что мы признаем как «капитализм», «бюрократию», «господство» и как другие, казалось бы, прочные структуры социального мира [3].

Объектом, который служил — имплицитно или эксплицитно — в качестве основной точки притяжения для большинства социальных теорий, является общество, понимаемое как единая целостность. Бытие этой целостности изучается с помощью политики, права, экономики или других, более конкретных, видов социального действия или опыта. Общество в этом смысле есть «сумма связей и отношений между индивидами и событиями — экономическими, моральными,

политическими — на более или менее ограниченной территории, управляемой своими собственными законами» [4].

Даже там, где социальная теория не рассматривала общество непосредственно в качестве своего объекта, ее трактовка социального предполагала, что социальные явления связаны существенным образом. Так, социальная жизнь образует некоторую ткань, она имеет непрерывность и масштаб. Социальное включает в себя классовые, расовые и гендерные, а также определенные экономические отношения. Социальная теория предполагала, что она должна рассматривать все это как компоненты или аспекты более общих моделей или особенностей человеческого взаимодействия и что ее неуклонное внимание должно быть сосредоточено на этой общности. Социальное всегда полагается в некотором смысле умопостижимым — как единство, целостность или некая тотальность.

В классической социальной теории конца XIX — начала XX века понятие «общество» в основном отождествлялось с политически организованным и территориально ограниченным обществом западного национального государства того времени. Поэтому неудивительно, что наиболее существенные и влиятельные вклады в теорию права обнаруживаются в работах французского социолога Эмиля Дюркгейма [7], немецкого социолога Макса Вебера [35] и немецкого философа и экономиста Карла Маркса [12]. Взгляды зарубежных мыслителей во многом соотносились с воззрениями видных отечественных теоретиков права Н.М. Коркунова [10], П.И. Новгородцева [15], Л.И. Петражицкого [17], Б.Н. Чичерина [21] и многих других.

Теоретическое объяснение общества в философских и социологических концепциях можно рассматривать как параллельное изучению правовых систем национальных государств теоретико-правовыми науками. Поскольку социальная теория объединяла в систему знания об общих общественных отношениях и структурах, составляющих общество, она столкнулась с современным правом как общесоциальной

системой определения и регулирования этих отношений и структур. В некотором смысле право и социальная теория конкурировали в характеристике современного общества. Право может рассматриваться в социальной теории как пример определенных структур и моделей, фундаментальных для этого общества.

Так, для Эмиля Дюркгейма сущность права и происходящих в нем процессов отражала частные характеристики современной социальной солидарности, под которой он понимал способ интеграции в современное общество и придание ему чувства единства, несмотря на все возрастающую сложность, на изменчивость и разнообразие [7]. Изучение развития права на протяжении столетий могло бы показать, как постепенно формировались структуры солидарности, позволяющие современному обществу сосуществовать. Ученый сделал вывод, что интегрировать современные общества сможет такая единственная система ценностей, которая потребует всеобщего уважения, автономии и человеческого достоинства каждого отдельного гражданина. Здесь право понималось не столько как совокупность кодифицированных законов, сколько как идея справедливости и гуманизма.

Классическая социальная теория Эмиля Дюркгейма предполагала, что право и мораль неразделимы и что мораль — это «душа» права. Поскольку он понимал мораль как составной элемент нормативной структуры общества, его социальная теория утверждает, что право находит весь свой смысл, авторитет и эффективность в конечном счете в этой моральной структуре [29].

Однако социальная теория Вебера в некотором смысле перевернула утверждения Дюркгейма с ног на голову. Современное право, утратив по причине дискредитации естественно-правовых теорий свое «метафизическое достоинство», раскрывается, по его мнению, не более как «продукт или техническое средство для компромисса интересов». Право не нуждается в моральном авторитете. Вместо этого его правила и процедуры в своей абстрактной формальности

могут сами стать средством придания законности власти, как это имеет место в политическом авторитете — в верховенстве права посредством легитимации правительства. Труды Вебера являются одним из наиболее ярких источников известной идеи: легитимность через нормативную законность и соответствующие процедуры.

Противоположные в некоторых моментах позиции Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера до сих пор находят свое отражение в работах по праву — в социальной теории и в приложении социальной теории к юридическим исследованиям [23; 26; 11]. Постмодернистские идеи о крахе великих нарративов могут предполагать, что авторитет, или обоснованность, всех крупномасштабных структур знания была поставлена под сомнение. Но можно утверждать, что некая идея Вебера о достижении легитимности через легальность остается до сих пор авторитетной в постмодернистской социальной среде. Современное право эпохи глобализации — явно сконструированное, частное и локальное по своему масштабу и постоянно меняющееся — может показаться квинтэссенцией постмодернистской формы знания: не в каком-либо смысле грандиозное «повествование», но совершенно прагматическое воплощение случайности, непостоянства, искусственности, скоротечности и одноразовости. Доктрины и основы права постоянно адаптируются, изменяются, отменяются, дополняются или переосмысливаются для решения новых проблем.

Постмодернистская литература о праве часто подчеркивает одновременную моральную пустоту права и социальную власть в мире, который потерял веру в другие дискурсы [30]. А беспечное признание теорией аутопоэза того, что сама суть юридического дискурса — это круговое рассуждение, имеет некоторое сходство с утверждениями, основанными на постмодернистских взглядах. Например, следующими: самопровозглашенный авторитет права действует достаточно эффективно, чтобы скрыть несогласованность таких понятий, как «общество» и «нация», хотя само юридическое мышление предполагает эти понятия.

Не без связи с этими направлениями мысли появляется акцент, сделанный в гораздо более поздних социально-правовых работах, на конститутивную силу права. Имеется в виду его способность фактически создавать социальное путем формирования с течением времени таких общих идей, как собственность, ответственность, контракт, права, вина, а также понятий интересов, идентичности и общности [9]. Чтобы быть теоретически последовательной, идея права как конститутивная в этом смысле должна, в конечном счете, либо предполагать представление о праве как самодостаточной основе, либо признать, что право и социальное взаимно конституируют. Нужно согласиться, что право получает свой смысл и предельный авторитет от социального в то же самое время, когда оно формирует социальное через свою регулятивную силу. Иными словами, право — это аспект или поле для применения социального опыта, а не некая таинственная внешняя сила, действующая на него.

Этот последний вывод может вновь сделать актуальными вопросы Э. Дюркгейма о социальных основаниях авторитета права и подразумевать, что социальное является более последовательным, стабильным и поддающимся теоретизации, чем предполагают многие работы по постмодернизму [5; 28]. Именно это утверждает влиятельная социальная теория немецкого философа Юргена Хабермаса. Теория представляет образ общества, состоящего частично из систем — экономических, политических и правовых (описанных, например, Никласом Луманом), и частично из той реальности, что Хабермас называет «жизненным миром».

Жизненный мир — это среда повседневного социального опыта, в которой формируются и воспроизводятся несхожие обычаи, различные культуры, нравственные идеи и народные представления. Жизненный мир предоставляет эмпирическое «фоновое знание», с помощью которого люди интерпретируют поведение и коммуникативные действия друг друга. Он также является источником солидарности

и легитимации, необходимых для поддержания различных систем, составляющих общество. И все же общество постоянно колонизируется и трансформируется этими системами. Итак, для Юргена Хабермаса социальное существует во взаимодействии системы и жизненного мира.

В отличие от всех постмодернистских представлений о случайности, неопределенности и моральной пустоте как характеристиках современной жизни, Хабермас в условиях глобализирующегося общества разрабатывает просветительский проект открытия разума в праве, обществе и природе. Он рассматривает право не как самосозидание, а как производное авторитета от разума. Он называет это коммуникативной рациональностью, зависящей от определенных условий, идеальных для его адекватного развития, при которых становится возможным соглашение между лицами, преследующими противоположные или расходящиеся интересы [20].

Право, по Хабермасу, является единственным средством, которое может связать жизненный мир и различные сложные системы современных обществ. Право как система — зависит от жизненного мира в отношении его авторитета и значимости. Дюркгеймовский аспект мысли Хабермаса, таким образом, состоит в настойчивом утверждении, что право должно быть укоренено и должно быть источником социальной солидарности в жизненном мире. Он считает, что право несет главную ответственность за координацию современных обществ, участвуя как в инструментальной рациональности, пронизывающей социальные системы, так и в консенсусной коммуникативной рациональности, необходимой для поддержания солидарности.

В основной работе по теории права Хабермас настаивает на том, что право и мораль различны, хотя и вытекают из одного и того же основополагающего принципа коммуникативной рациональности [31]. Условия для расцвета этой рациональности включают конкретные основные права, которые могут быть обеспечены только с помощью

правовых процедур. Эти процессы, в свою очередь, должны быть направлены на поддержку демократических структур. Таким образом, право и демократия неразрывно связаны между собой.

Взаимодействие между правоведением и социальной теорией вне фокуса национального государства не зависит полностью от новых социально-правовых проблем. Это также может быть постановка старых вопросов в новых контекстах. Некоторые из наиболее важных старых вопросов касаются того, каким образом право обеспечивает свой авторитет посредством реагирования на жизненный опыт или ментальность населения, жизнь которого оно регулирует. Эмиль Дюркгейм, всегда занимавшийся этими вопросами, предложил важную теорию демократии, которая в значительной степени не признана социально-правовыми исследованиями [1; 27]. Он понимал демократию как идеальную практику, которая является вопросом не столько народного представительства, сколько деликатного, осознанного обсуждения, с помощью которого могут быть признаны и подвержены эффективному регулированию основные проблемы и базовые ценности, укорененные в широко распространенном повседневном социальном опыте.

Используя новые методы, Макс Вебер прочно связал изучение права с изучением социального в его современных формах [35]. Современное Веберу право являло собой своего рода зеркальное отражение рациональности и развивалось параллельно с рационализацией других сторон жизни на Западе. Хотя формально-правовая рациональность является особым способом мышления и практики, она может рассматриваться как часть гораздо более широкой рационализации современного мира. Изучение развития правовой рациональности и ее взаимосвязей с другими видами рациональности (особенно в экономической деятельности, управлении и политике) могло бы, по мнению Вебера, дать масштабное представление о природе социального в тех уникальных формах, которые оно приняло на Западе.

Идеи Хабермаса о праве широко обсуждались в социально-правовой литературе, возможно, главным образом потому, что они ясно подтверждают отношение права к разуму и возможность рационального обоснования права перед лицом постмодернистских сомнений [32; 24]. Но эти идеи значительно изменились с течением времени. Из компонентов эмпирической социальной теории, ориентированной главным образом на условия легитимной власти в капиталистических обществах, они превратились в более спекулятивную правовую философию. Интересно, что Хабермас критиковал взгляды Фуко на власть как «совершенно не социологические», но то же самое можно сказать и о некоторых его собственных, очень абстрактных, общих рассуждениях о коммуникативной рациональности.

Возможно, самым поразительным в работах Хабермаса является тот факт, что право стало занимать центральное место в его картине общества. Право может показаться в некоторых образах постмодерна воплощением современного достоверного знания, но в совершенно ином мировоззрении Хабермаса оно представляется, по крайней мере потенциально, воплощающим существенные социальные процессы формирования консенсуса; его интерпретационные процедуры открывают возможности для развития коммуникативной рациональности. Правовые процедуры — это средства, с помощью которых рационально ориентированное коммуникативное действие становится в масштабах всего общества практически возможным. Право — это основа центральных структур общественной жизни, совокупность процессов и процедур, от которых зависит сама целостность общества. Право представляет собой в регулятивных терминах то, что ученый рассматривает как социальное, но оно должно предполагать общую концепцию социального, в которой его регулирующие действия могут иметь смысл. В течение длительного времени западная правовая мысль предполагала политическое общество современного национального государства как отражение общей концепции социального [34; 36].

Карл Маркс, стремясь проанализировать природу и судьбу капитализма, рассматривал право как в некотором смысле надстройку, продукт экономических отношений, а не как некий двигатель, задающий траекторию для развития капитализма [13]. Право зависит от способа производства и от общей структуры социального. Он подчеркивал роль права в определении общественных отношений, подавлении классовых волнений и помощь права в создании способов мышления — прежде всего терминов теоретической области собственности и договора, которые служат фундаментальными идеологическими опорами капиталистических общественных отношений. Подобно Дюркгейму и Веберу, Карл Маркс видел необходимость учитывать развитие права для понимания того, каким образом оно породило идеи, способы теоретической рефлексии или формы практической деятельности на определенных этапах истории.

Марксистское понимание права как надстроечного явления, детерминированного экономикой, получило широкое распространение в странах, осуществлявших на протяжении XX столетия построение социализма. В Советском Союзе на основе марксистской концепции сложилось этатистское понимание права, характерные черты которого выделил в 1938 г. А. Вышинский: «Советское социалистическое право есть совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных социалистическим государством и выражающих волю рабочего класса и всех трудящихся, правил поведения, применение которых обеспечивается принудительной силой социалистического государства» [16].

Как отмечает профессор П.А. Горохов, в основе этой формулы лежит «определение Энгельса (“право есть возведенная в закон воля рабочего класса”)». Центральным пунктом этого определения является государство, именно оно устанавливает и санкционирует нормы права, обеспечивая их принудительное выполнение. В случае необходимости государству вполне дозволено переступить через право, личности же — никогда.

Эта этактическая концепция права долгое время безраздельно господствовала в советской юриспруденции. Все другие теоретические схемы были надолго преданы анафеме, в том числе и социологические подходы к праву» [6, с. 108—109].

Таким образом, все рассмотренные мыслители понимали право как существенный элемент преобразования базовых устоев современного общества, как бы по-разному они ни характеризовали эту современность в своих исследованиях.

Этих кратких комментариев достаточно, чтобы проиллюстрировать два момента: во-первых, понимание современности часто на практике было неотделимо от концепции общества в любой социальной теории; во-вторых, право часто трактовалось в классической социальной теории как в некотором роде решающий маркер, компонент или движущий фактор возникновения современного мира. Позднее социальные теоретики часто рассматривали появление определенного вида правовой системы как решающее обстоятельство в этом отношении. Американский социолог Талькотт Парсонс, например, видел в возникновении «общей правовой системы», пронизывающей все традиционные особые статусы и обеспечивающей универсальную систему прав и обязанностей, — «наиболее важную единственную отличительную черту современного общества» [33].

Сегодня рост транснационального регулирования и регулятивных устремлений создает новые стимулы для проведения правовых исследований с опорой на ресурсы социальной теории. Это происходит потому, что потенциально нарушаются давние предпосылки о стабильном отношении права к политическому обществу национального государства. В этом смысле усилия социальной теории, направленные на понимание социального как выходящего за пределы общества или формируемого мощными транснациональными силами, в настоящее время организованы главным образом вокруг концепции глобализации американского экономиста Майкла Портера [18].

Но право не играет заметной роли в теориях глобализации. Это происходит, возможно, потому, что оно обычно рассматривается как пассивный элемент, а не как активно действующее, транснациональное расширение социальной реальности. Глобализация часто описывается в терминах конкретных форм такого расширения, это — гармонизация рынков, трансформация культуры или воздействие новых коммуникационных технологий. Роль права, даже там, где она понимается как жизненно важная в этих разработках, обычно рассматривается как чисто техническая.

Дискуссии, вдохновленные работами Фуко, затрагивают природу современного регулирования и сложность сетей власти в социальном [19; 25]. Эти дебаты имеют большое значение для попыток понять природу и социальные контексты транснационального регулирования. В работах немецкого политического философа и социолога Ульриха Бека выявляются — с точки зрения индивидуализации и риска — новые проблемы регулирования, но также и новые фокусы освободительных политических действий, которые могут, как он подчеркивает, относиться как к транснациональным, так и к национальным аренам [2].

Вернемся к заботе Дюркгейма о нравственных основаниях права, поскольку вопросы нравственности не утратили своей актуальности. Но их гораздо труднее решить, когда социальное уже не может рассматриваться без труда, просто как единое национальное политическое общество. Стало трудно предположить или определить основу моральной сплоченности в таком обществе, учитывая то, что социальная теория учила разнообразию, текучести и случайности социального. И более широкий спектр социальных проблем, на которые в настоящее время распространяется транснациональное регулирование, может казаться еще более очевидным в культурном отношении, разнообразным, изменчивым, фрагментированным и неопределенным по своим масштабам.

Труды по коммуникации исследовали, какие моральные связи возможны и необходимы

в сложных современных обществах. Несмотря на попытки анализировать в традициях социальной теории, они, как правило, неясны в отношении степени существующего в обществах морального консенсуса. Общества в эпоху глобализации рискуют впасть в тоску по старым формам социальной солидарности или моралистическим призывам восстановить проверенные всей человеческой историей ценности. Некоторые альтернативные подходы искали в до-социальной «этике инаковости» основу нравственной оценки социального и, как следствие, средство моральной оценки современного права.

Другой путь вперед может состоять в том, чтобы признать концепцию общины как потенциально полезную замену или дополнение к концепции (национального) общества, и признать необходимость солидарности в общинах в качестве морального оправдания их регулирования. Но любое сообщество должно рассматриваться как существующее в различных формах: в инструментальных отношениях, таких как те, которые обеспечивают основу торговли; в аффективных отношениях дружбы, любви или заботы; в отношениях, основанных на общих верованиях или конечных ценностях; в традиционных отношениях, основанных на общих условиях или историческом опыте.

С этой точки зрения социальное структурируется текучим, сложным переплетением различных типов общности, независимо от того, образует ли это переплетение общество национального государства, или отдельные группы или модели человеческого взаимодействия в этом обществе, или сети взаимодействия, интересы или проблемы, простирающиеся за границы национального государства. С этой точки зрения закон является регулированием и выражением интересов общин.

Мы проанализировали взгляды ведущих теоретиков, рассматривавших соотношение права и социальных теорий. Социальное в общественных науках часто рассматривалось с точки зрения эволюции человеческих отношений. Сущность социального выявля-

лась в различных типах сплоченности человеческих популяций или связанности между членами социальных групп. В таких связях важным элементом была мораль, возникшая намного раньше права. Мораль возникла с зарождением социального, право — лишь с появлением государства.

В классических социальных теориях конца XIX — начала XX века понятие «общество» в основном отождествлялось с политически организованным и территориально ограниченным обществом современного западного национального государства.

Социальная теория рассматривала общие общественные отношения и структуры, а потому в сферу ее интереса неизбежно попало право как общая система определения и регулирования этих отношений и структур. В некотором смысле право и социальная теория конкурировали в характеристике современного общества. Право может рассматриваться в социальной теории как пример определенных структур и моделей, фундаментальных для этого общества.

Литература

1. *Асемоглу Д., Робинсон Д.А.* Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2018. 510 с.
2. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 459 с.
3. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
4. *Гагинский А.М.* Философия беспредпосылочных начал: монография. М.: ИФ РАН, 2018. 191 с.
5. *Горбовец Л.О.* Постмодернизм. Взгляд изнутри: статьи, заметки, размышления. Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2017. 304 с.
6. *Горохов П.А.* Правовой нигилизм: опыт философского анализа: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 237 с.
7. *Дюркгейм Э.* Социология: Ее предмет, метод, предназначение: пер. с фр. М.: Канон, 1995. 349 с. (История социологии в памятниках).
8. *Зиммель Г.* Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с. (Книга света).
9. *Исаков И.Н.* Правовая система общества: теория, практика формирования, перспективы развития: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 226 с.
10. *Коркунов Н.М.* История философии права. М.: URSS, 2014. 431 с. (Из наследия мировой философской мысли: социальная философия).

11. *Мариничев Д.А.* Нормативные ценности в современном обществе и их социальная трансформация: монография. Нижний Новгород: ВГИПУ, 2010. 181 с.
12. *Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. М.: Прогресс, 1987. 203 с.
13. *Маркс К.* О критике гегелевской философии права. Нищета философии. М.: Мир книги: Литература, 2009. 414 с.
14. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. М.: Книжный дом «Университет» [МГУ им. Ломоносова], 2011. 413 с.
15. *Новгородцев П.И.* Сочинения. М.: Раритет, 1995. 446 с. (Библиотека духовного возрождения).
16. Основные задачи науки советского социалистического права: Мат-лы совещания научных работников права (16—19 июля 1938 г.). М.: Юриздат, 1938. 192 с.
17. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М.: РОССПЭН, 2010. 798 с.
18. *Портер М.* Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 452 с.
19. Социальный либерализм: между свободой и этатизмом / [под ред. А.П. Заостровцева]. СПб.: Леонтьевский центр, 2015. 189 с.
20. *Хабермас Ю.* От картин мира к жизненному миру = Von den Weltbildern zur Lebenswelt. М.: Идея-Пресс, 2015. 127 с.
21. *Чичерин Б.Н.* Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006. 505 с. (Русское юридическое наследие).
22. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., Издательство Бр. Башмаковых, 1911. 698 с.
23. *Banakar R., Travers M.* Theory and Method in Socio-Legal Research. Great Britain: Bloomsbury Academic, 2005. 376 p.
24. *Chambers S.* Reasonable Democracy: Jürgen Habermas and the Politics of Discourse. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2018. 256 p.
25. *Cofta P.* Trust, Complexity and Control: Confidence in a Convergent World. New York: John Wiley & Sons, 2007. 310 p.
26. *Creutzfeldt N., Mason M., McConnachie K.* Routledge Handbook of Socio-legal Theory and Methods. Routledge, 2019. 408 p.
27. *Cunningham F.* Theories of Democracy: A Critical Introduction. Routledge, 2002. 256 p.
28. *Docherty T.* Postmodernism: A Reader. Routledge, 2016. 540 p.
29. *Durkheim E.* The Division of Labor in Society. New York: Simon and Schuster, 1997. 352 p.
30. *Goldberg E.S., Moore A.S.* Theoretical Perspectives on Human Rights and Literature. Routledge, 2013. 318 p.
31. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts: MIT Press, 1991. 301 p.
32. *Murphy M.* Habermas and Social Research: Between Theory and Method. Routledge, 2016. 214 p.
33. *Parsons T.* Essays in Sociological Theory. New York: Simon and Schuster, 2010. 460 p.
34. *Sarat A.* Studies in Law, Politics, and Society. Bingley, West Yorkshire: Emerald Group Publishing Limited, 2007. 196 p.
35. *Weber M.* From Max Weber: Essays in Sociology. United Kingdom: Psychology Press, 1991. 490 p.
36. *Whittington K.E., Kelemen R.D., Caldeira G.A.* The Oxford Handbook of Law and Politics. Great Britain: Oxford University Press, 2010. 832 p.

Поступила 14.07.2020

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

Мрочко Владимир Леонидович — кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Института образовательных технологий и гуманитарных наук (105005, Москва, ул. Малая Почтовая, д.2/2, стр.8), vlmrochko@mail.ru

References

1. Asemoglu D., Robinson D.A. Jekonomicheskie istoki diktatury i demokratii. М.: Izdatel'skij dom VShJe, 2018. 510 s.
2. Bek U. Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizma. Novaja vsemirno-politicheskaja jekonomija. М.: Progress-Tradicija, 2007. 459 s.
3. Veber M. Politika kak prizvanie i professija. М.: RIPOI klassik, 2018. 288 s.
4. Gaginskij A.M. Filosofija bespredposylochnyh nachal: monografija. М.: IF RAN, 2018. 191 s.
5. Gorbovec L.O. Postmodernizm. Vzgljad iznutri: stat'i, zametki, razmyshlenija. Ekaterinburg: Izd. Ural'skogo universiteta, 2017. 304 s.
6. Gorohov P.A. Pravovoj nigilizm: opyt filosofskogo analiza: monografija. М.: INFRA-M, 2019. 237 s.
7. Djurkgejm Je. Sociologija: Ee predmet, metod, prednaznachenie: per. s fr. М.: Kanon, 1995. 349 s. (Istorija sociologii v pamjatnikah).
8. Zimmel' G. Izbrannoe. Problemy sociologii / Sost. S.Ja. Levit. М.; SPb.: Universitetskaja kniga, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 416 s. (Kniga sveta).
9. Isakov I.N. Pravovaja sistema obshhestva: teorija, praktika formirovanija, perspektivy razvitija: monografija. М.: Jurlitinform, 2016. 226 s.
10. Korkunov N.M. Istorija filosofii prava. М.: URSS, 2014. 431 s. (Iz nasledija mirovoj filosofskoj mysli: social'naja filosofija).
11. Marinychev D.A. Normativnye cennosti v sovremenom obshhestve i ih social'naja transformacija: monografija. Nizhnij Novgorod: VGIPU, 2010. 181 s.
12. Marks K. Nishheta filosofii. Otvet na «Filosofiju nishhety» g-na Prudona. М.: Progress, 1987. 203 s.

13. Marks K. O kritike gegelevskoj filosofii prava. Nishheta filosofii. M.: Mir knigi: Literatura, 2009. 414 s.
14. Moss M. Obshhestva. Obmen. Lichnost': trudy po social'noj antropologii. M.: Knizhnyj dom «Universitet» [MGU im. Lomonosova], 2011. 413 s.
15. Novgorodcev P.I. Sochinenija. M.: Raritet, 1995. 446 s. (Biblioteka duhovnogo vrozozhdenija).
16. Osnovnye zadachi nauki sovetskogo socialisticheskogo prava: Mat-ly soveshhanija nauchnyh rabotnikov prava (16—19 ijulja 1938 g.). M.: Jurizdat, 1938. 192 s.
17. Petrazhickij L.I. Teorija prava i gosudarstva v svjazi s teoriej nravstvennosti. M.: ROSSPJeN, 2010. 798 s.
18. Porter M. Konkurentnaja strategija: metodika analiza otraslej i konkurentov. M.: Al'pina Biznes Buks, 2007. 452 s.
19. Social'nyj liberalizm: mezhdru svobodoj i jetatizmom / [pod red. A.P. Zaoastrovceva]. SPb.: Leont'evskij centr, 2015. 189 s.
20. Habermas Ju. Ot kartin mira k zhiznennomu miru = Von den Weltbildern zur Lebenswelt. M.: Ideja-Press, 2015. 127 s.
21. Chicherin B.N. Obshhee gosudarstvennoe pravo. M.: Zercalo, 2006. 505 s. (Russkoe juridicheskoe nasledie).
22. Shershenevich G.F. Obshhaja teorija prava. M., Izdatel'stvo Br. Bashmakovyh, 1911. 698 c.
23. Banakar R., Travers M. Theory and Method in Socio-Legal Research. Great Britain: Bloomsbury Academic, 2005. 376 p.
24. Chambers S. Reasonable Democracy: Jürgen Habermas and the Politics of Discourse. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2018. 256 p.
25. Cofta P. Trust, Complexity and Control: Confidence in a Convergent World. New York: John Wiley & Sons, 2007. 310 p.
26. Creutzfeldt N., Mason M., McConnachie K. Routledge Handbook of Socio-legal Theory and Methods. Routledge, 2019. 408 p.
27. Cunningham F. Theories of Democracy: A Critical Introduction. Routledge, 2002. 256 p.
28. Docherty T. Postmodernism: A Reader. Routledge, 2016. 540 p.
29. Durkheim E. The Division of Labor in Society. New York: Simon and Schuster, 1997. 352 p.
30. Goldberg E.S., Moore A.S. Theoretical Perspectives on Human Rights and Literature. Routledge, 2013. 318 p.
31. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts: MIT Press, 1991. 301 p.
32. Murphy M. Habermas and Social Research: Between Theory and Method. Routledge, 2016. 214 p.
33. Parsons T. Essays in Sociological Theory. New York: Simon and Schuster, 2010. 460 p.
34. Sarat A. Studies in Law, Politics, and Society. Bingley, West Yorkshire: Emerald Group Publishing Limited, 2007. 196 p.
35. Weber M. From Max Weber: Essays in Sociology. United Kingdom: Psychology Press, 1991. 490 p.
36. Whittington K.E., Kelemen R.D., Caldeira G.A. The Oxford Handbook of Law and Politics. Great Britain: Oxford University Press, 2010. 832 p.

Kovalev Andrey Andreevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (199178, St. Petersburg, Middle Ave. V.O., d. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

Mrochko Vladimir Leonidovich, candidate of historical sciences, associate professor of the department of general humanitarian and socio-economic disciplines of the Institute of Educational Technologies and Humanities (105005, Moscow, Malaya Pochtovaya, 2/2, p. 8), vlmrochko@mail.ru